

Copyright © 2025 by Cherkas Global University



Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(1): 393-405
 DOI: 10.13187/bg.2025.1.393

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>



The Mentally Ill as a Subject of Civil Rights in the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries

Nadezhda V. Prisyazhnaya ^{a,*}, Olga N. Bobrovskaya ^a, Evgeny G. Kaletskiy ^a, Daria A. Leychinskaya ^a

^a First Moscow State Medical University (Sechenov University), Russian Federation

Abstract

The appeal to the topic of the legal status of the mentally ill at the turn of the XIX–XX centuries in the Russian Empire is determined by several important factors. First of all, through the fixation of mental illness, the establishment of which had ambiguous approaches in domestic psychiatry, acting as conditions for possible manipulations, and in the procedure of examination, and in actions with the mentally ill. And also through the institution of care for the person and property of the mentally ill, which created irreconcilable disputes between close relatives over inherited property, often leading to the loss of the property itself and the death of the mentally ill.

Documentary sources of legislative acts and testimonies of direct participants of the treatment process allow us to consider the most outstanding examples of psychiatric science's advance over the regulation of the procedure of recognizing a person as insane or insane, revealing its ambiguity and instability. And at the same time to highlight the most common features of the organization of the procedure, when the decision of the medical commission is absorbed by the administrative function.

The management of the property of a mentally ill person, in the regulation of civil legislation at the turn of the XIX–XX centuries, touches upon such important aspects as: the need to preserve it from unlawful encroachments by third parties; the urgency of actions of heirs to challenge the guardianship powers related to the management of the property of a mentally ill person. In a nuanced historical-legal vision, examples of case law reflect the most vivid moments illustrating the details of emerging family disputes.

The study of documentary sources makes it possible to understand the distinctive features inherent in transactions made by mentally ill persons or with their property, and the materials of court practice in historical retrospect – to reveal the content component of their legal perception.

Keywords: testament, estate administration, joint guardianship, certification, challenging the transactions of the mentally ill

1. Введение

Надлежащее законодательное регулирование психиатрической помощи неразрывно связано с соблюдением гражданских прав такой уязвимой категории населения, как душевнобольные. Поэтому анализ правовых последствий утраты правоспособности душевнобольным, установления над ним опеки, а также семейных споров, связанных с владением и управлением его имуществом, в Российской империи на рубеже XIX–XX веков представляется актуальным. Без полноценного изучения историко-правового опыта регулирования статуса лиц, страдающих психическими расстройствами, трудно представить комплексную картину отечественного права в переломный период войн и революций, когда проблема психической адекватности населения стояла особенно остро (Русско-японская война 1904–1905 гг., Первая русская революция 1905–1907 гг., Первая мировая война 1914–1918 гг., Февральская и Октябрьская революции 1917 г.). Проработка не только

* Corresponding author

E-mail addresses: prisyazhnaya_n_v@staff.sechenov.ru (N.V. Prisyazhnaya)

законодательства, но и правоприменительных актов, решений суда и комментариев ученых-юристов и ученых-психиатров демонстрирует отсутствие единообразных подходов к проблеме определения статуса душевнобольного лица, его гражданских прав. В этой связи полученные результаты исследований могут с поправкой на условия XXI в. учитываться и при совершенствовании актуального гражданско-правового законодательства.

2. Материалы и методы

1. Источниковой базой исследования является законодательство Российской империи, в частности содержащееся в Полном собрании законов Российской империи и Своде законов Российской империи (СЗ РИ, Т. X. Ч. 1, СЗ РИ, Т. X. Ч. 1. ст.365; СЗ РИ, Т. X. Ч. 1. ст.366 и др.); правоприменительные акты судов, документы делопроизводства и статистические данные, в той или иной степени затрагивающие статус душевнобольных (Исаченко; Судебные уставы..., 1867; Сборник практики..., 1902 и др.).

2. Работа основывается на методологии исторической науки, принципах научной объективности и историзма. Источниковедческий анализ позволил выявить конкретные принципы признания человека душевнобольным в гражданском праве поздней Российской империи. Сравнительный анализ помог сопоставить состояние законодательства о душевнобольных на рубеже XIX-XX вв. и соотнести его с развитием психиатрической науки, зафиксировав опережающее развитие последней.

3. Обсуждение

Историография вопроса может быть систематизирована по хронологическому принципу – работы, написанные в Российской империи, в СССР и в постсоветской России. Каждый из периодов имеет свою историографическую специфику, отражает господствующую тогда научную парадигму.

Работы, создание которых приходится на вторую половину XIX в., носили прикладной характер и зачастую имели форму комментариев к законодательным актам. Дореволюционные русские психиатры и праведы старались синтезировать последние достижения правовой и психиатрической наук и приложить полученные результаты к специфике пореформенной Российской империи. Большинство данных работ публиковались в специализированной прессе и были посвящены отдельным аспектам правового статуса душевнобольных (Бринкман, 1909, 1911; Георгиевский, 1903; Голубцов, 1907; Слонимский, 1873; Мокшанцев, 1985 и др.). Лишь в относительно редких случаях авторы задавались созданием монографических историко-юридических и медико-юридических исследований. Среди них необходимо выделить труд Я.А. Боткина о криминализирующей компоненте понятия «невменяемость» (Боткин, 1893); работу О. Виславского о судебно-медицинской экспертизе в уголовном судопроизводстве (Виславский, 1872); труд Л.З. Слонимского о значении умственного расстройства в уголовном и гражданском праве (Слонимский, 1879). Большим научным значением обладает исследование Я.А. Канторовичем российского законодательства о безумных и сумасшедших. В частности, в предисловии к работе автором было сделано важное замечание о том, что «недостатки и несовершенства существующей у нас системы учреждения опеки над безумными и сумасшедшими лишают судебную практику твердой опоры и вызывают разнообразное толкование и применение закона об опеке» (Канторович, 1899: 6). Нельзя не упомянуть и доклад Н.А. Вырубова на I съезде Русского союза психиатров и невропатологов в Москве 4-11 сентября 1911 г. (Вырубов, 1911). В нем была недвусмысленно поставлена задача «улучшения судебно-психиатрической подготовки юристов» (Вырубов, 1911: 14), что косвенно может считаться признанием неудовлетворительности такой подготовки на момент оглашения доклада. Таким образом, дореволюционная литература имела отчетливую практико-ориентированную направленность, а ее авторы стремились модернизировать позднеимперские институты (как в области суда, так и общественного призрения) в направлении их модернизации и повышения эффективности.

Научные круги СССР не питали интереса к юридической теории и практике эпохи «царизма», поэтому тема исследования дореволюционного гражданского права применительно к душевнобольным не пользовалась популярностью. Советские ученые были заняты созданием оригинальных социалистических теорий как в области гражданского права, так и в сфере психиатрии. Связь их наработок с результатами исследований дореволюционных специалистов была минимальна или вообще отсутствовала. Таким образом, работы, созданные в советский период, при их несомненной научной значимости носили на себе отпечаток марксистско-ленинской идеологии. Наиболее масштабным трудом, который касался также и правового статуса душевнобольных, стал труд Т.И. Юдина об истории отечественной психиатрии (Юдин, 1951). В ней автор рассматривал проблему ухода за психически нездоровыми элементами в поздней Российской империи как проявление интереса помещиков и капиталистов к работоспособности «эксплуатируемых масс». Значительное место Юдин уделял полемике либеральных юристов и психиатров с евгенической теорией итальянского криминолога Ч. Ломброзо, которая трактовалась им как «глубоко реакционная». Важным наблюдением Юдина стало признание общности задач судебной психиатрии в России и Европе: «...как на Западе, так и у нас в России, в области судебной психиатрии два вопроса

возбуждали дискуссии: 1) понимание критерия вменения и 2) как и где надо содержать признанных невменяемыми психически больных, подлежащих принудительному лечению» (Юдин, 1951: 353).

Наконец, на современном этапе ученые получили возможность беспрепятственно обращаться к дореволюционным авторам любых школ и идейных предпочтений. Это благотворно сказалось на росте интереса к ранее игнорируемой проблеме. Однако до сих пор преобладает статейный формат, освещающий отдельные аспекты (Погорелов, 2017; Карандышев, 2021). Из монографий необходимо отметить вклад В.Э. Шунк, сделавшей обзор российского законодательства о душевнобольных XVIII–XIX вв. (Шунк, 2009).

4. Результаты

1. Правовое положение душевнобольного после прохождения процедуры освидетельствования и в период пребывания в психиатрической клинике.

Комплексное законодательство об опеке над душевнобольными было сформировано в Российской империи во второй половине XIX века.

Правовое положение душевнобольных определялось Сводом законов гражданских, ч. 1 Т. X Свода законов Российской империи (СЗ РИ, Т. X. Ч. 1), который имел несколько редакций (1832, 1842, 1857 годов), оставаясь при этом достаточно стабильным институтом на протяжении 40 лет.

Страдающий душевной болезнью признавался безумным, если не имел здравого рассудка с рождения (СЗ РИ, Т. X. Ч. 1. ст.365) или сумасшедшим, если его безумие развилось в течение жизни от случайных причин, а болезнь имела признаки, свидетельствующие о возможности причинения вреда самому себе или окружающим (СЗ РИ, Т. X. Ч. 1. ст. 366). Лица с установленным психиатрическим диагнозом, по безумию или сумасшествию не способные отвечать за совершаемые действия, проходили процедуру освидетельствования с целью ограничения гражданских прав. В их отношении учреждалась опека (по правилам ч.2 ст. 212 СЗ РИ).

Выступая на Первом съезде отечественных психиатров, состоявшемся в Москве в 1887 году, психиатр И.П. Мержеевский заявил, что развитие душевных болезней является следствием ненормальных общественных условий, среди которых, помимо наследственности, влияние окружающей среды и злоупотребление спиртными напитками занимают первостепенное место (Мержеевский, 1887: 20).

Так, с конца 1880-х гг. психиатрические клиники в историях болезней пациентов ввели обязательные разделы о наследственности, а составление анамнеза включало подробное описание родственного и социального происхождения пациентов и событий, предшествовавших развитию болезни (Погорелов, 2017: 38).

Среди проходивших процедуру освидетельствования на сумасшествие встречались лица с выраженной алкогольной зависимостью. При этом злоупотребление алкоголем приводило не только к развитию психозов, но и создавало угрозу растраты или распродажи имущества семьи, имевшее значение в наследственном преемстве (Карандышев, 2021: 16). Психиатрическая больница имени св. Николая Чудотворца в отчетных документах заявляла алкоголизм одной из причин душевного расстройства у 51,7 % мужчин и 20,8 % женщин (Алкоголизм..., 1909: 51-52).

Представляется, что душевнобольные, не проходившие освидетельствования и не лишённые законом дееспособности, при участии в сделках создавали отсроченные проблемы признания их недействительными для других участников. Сумасшедшие, заканчивавшие жизнь самоубийством, признавались лицами, неспособными к духовному завещанию (согласно ст. 1472 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (Таганцев, 1886: 515-516).

Вместе с тем процедура освидетельствования применялась только по ходатайству родственников, опекунов, попечителей или наследников душевнобольного, которые помещали его в частную клинику для наблюдения и лечения при условии, что он сам не обвинялся в совершении преступления. Таким образом, формальная процедура освидетельствования душевнобольного при помещении его в частную клинику могла не проводиться. Однако с целью недопущения злоупотреблений со стороны заинтересованных лиц клиника передавала сведения о размещенном больном местному медицинскому начальству, а последнее, в свою очередь, уведомляло губернатора.

Процедура освидетельствования душевнобольных проводилась во врачебном отделении губернского правления. Исключением из общего правила считалось лишь освидетельствование лиц, проходивших лечение в московской Преображенской больнице, поскольку проводилось в стенах клиники лечащим врачом, наблюдавшим пациента, который впоследствии вызывался на заседание комиссии для разъяснений и уточнений (Тарасова, 2012: 165-167). Документы, подтверждавшие факт расстройства душевного здоровья у освидетельствованного представлялись в Правительствующий Сенат, который выносил окончательное решение.

Поэтому, разрешая споры о признании каких-либо действий лица не порождающими правовых последствий, суды не имели права подменять собой решения Правительствующего Сената, приглашая на процессы свидетелей, указывающих на неадекватное поведение одной из сторон. Правительствующий Сенат утверждал, что лицо, не признанное правительственной властью безумным или сумасшедшим, не может быть ограничено в праве распоряжения своим имуществом.

При этом закон признает недействительной продажу, совершенную лицом, состоящим под ограничением в правах в силу безумия или сумасшествия, установленного надлежащим порядком освидетельствования (*Полный свод решений, 1869*).

Вместе с тем проводимая процедура освидетельствования подвергалась критике как со стороны врачей психиатров, так и юристов, представляющих интересы сторон в суде. Так, выступая на III съезде психиатров, профессор психиатрии О.А. Чечотт (*Чечотт, 1890: 248*) заявлял, что применяемый порядок освидетельствования душевнобольных следует признать несостоятельным, поскольку не включает в свой состав практикующих юристов. Он выступал за комиссионное освидетельствование, при котором решающее значение должно иметь мнение врачей, а не членов Правительствующего Сената. Доктор психиатрии Н.К. Иванов (*Иванов, 1890: 257*), имевший практику в Самаре, приводил пример освидетельствования больного в особом присутствии при трех врачах психиатрах и четырех врачах соматического профиля, подтвердивших диагноз больницы. Однако больной, удовлетворительно ответив на трафаретные вопросы председателя присутствия, произвел на последнего глубокое впечатление. В этой связи, заявив, что Сенат строго блюдет интересы личности и имущества, председатель присутствия отказывается признать справедливым коллегиальное мнение врачей, заручается поддержкой всех членов присутствия, и больного признают здоровым. Поскольку освидетельствование проводилось родственниками в борьбе за наследство, неожиданно выздоровевшего душевнобольного женили, перетянув родственный капитал. Больной потерял возможность наблюдения и лечения и сам по себе стал разменной монетой в чужой игре.

Кроме того, и сама процедура освидетельствования нуждалась в установлении унифицированных правил ее проведения, поскольку по нескольким случаям губернские прокуроры приносили протест в Правительствующий Сенат. Так, губернское Правление не подавало принятое решение о последствиях свидетельства в утверждение Сенату, если лицо не владело никаким имуществом (*ПСЗ РИ. № 14932*). В этой связи 15 октября 1841 года Законом «О единообразном исполнении существующих узаконений об умалишенных» были введены правила о перечне устных вопросов, задаваемых на освидетельствовании, а также об обязательности передачи на утверждение Правительствующим Сенатом решения губернского Правления.

В соответствии со ст. 375 СЗ РИ, если душевнобольной был освидетельствован Сенатом и признан надлежащим порядком сумасшедшим, то его родственники обязаны обеспечить за ним присмотр. Помещение больного в частную лечебницу рассматривалось законом как доказательство достаточной заботы о нем.

При отсутствии родственников или их отказе от присмотра за душевнобольным после освидетельствования попечение о нем возлагалось на правительство с помещением в дом умалишенных. Обязанность покровительствовать и помогать тем, кто в силу душевного расстройства или слабоумия не способен к самостоятельной жизни, проводилась государственным институтом общественного призрения (*Курбанов, 2004: 1*).

По свидетельству юристов, работавших во второй половине XIX века, установление опеки над душевнобольным означало фактическую правовую смерть (*Бринкман, 1908: 125-126*). Результатом освидетельствования становилось не только фактическое ограничение прав освидетельствованного, но и юридическое ограничение его свободы, имущественных и наследственных прав (*Кони, 1910: 148*).

В этой связи опекуновое решение об учреждении опеки над конкретным лицом подлежало, согласно ст. 374 СЗ РИ, обязательной публикации в Сенатских объявлениях с указанием причины и даты начала ее течения.

Опека в отношении душевнобольного устанавливалась только к лицам мужского пола, а сами опекуны состояли в родственных связях по прямой восходящей, нисходящей и боковым линиям: отец-сын; брат-брат. По отношению к женщинам опекуновские полномочия исполнял ее супруг, который выступал и попечителем над имуществом (*Федосова, 2011: 496*). При этом опекуновские полномочия могли быть возложены и на лиц женского пола, особенно в случаях совладения общим имуществом с душевнобольным, о чем свидетельствует судебная практика.

Опекуновское учреждение могло назначить нескольких опекунов и установить пределы их ведения в отношении опекаемого. Назначение нескольких опекунов не ограничивало прав и обязанностей каждого из них. Материалы судебной практики кассационных инстанций свидетельствуют о том, что опекуны могли быть разведены по сферам влияния: один назначался над личностью, другой – над имуществом опекаемого душевнобольного (*Исаченко*). В таком случае опекун над имуществом душевнобольного наделялся правом независимых действий, направленных на защиту имущества. Иногда несколько опекунов самостоятельно вызывались в опеку над личностью душевнобольного в разные периоды времени или вступали в совместную опеку, полагая, что наилучшим образом представят интересы опекаемого. При этом всякое несогласие между опекунами разрешалось не судом, а опекуновским учреждением.

При назначении нескольких опекунов над личностью душевнобольного без разграничения их обязанностей они могли действовать только совместно, инициируя подачу жалоб в защиту его интересов или неся совместную ответственность за подопечного в суде. При этом каждый из совместных опекунов был вправе оспаривать признание, сделанное на суде другим опекуном, во вред

опекаемому душевнобольному. Кроме того, при установлении совместной опеки опекуну запрещалось злоупотреблять своими правами, удерживая из доходов опекаемого имущества часть вознаграждения, полагающегося к выплате другому опекуну, по основанию его безответственного отношения к своим обязанностям.

Поскольку опекуны, назначенные над имуществом душевнобольного, выступали представителями интересов опекаемого, то они наделялись правом совершения сделки по продаже имущества душевнобольного, которая должна была быть реализована к его пользе. При этом для совершения сделки по управлению имуществом душевнобольного разрешение не требовалось даже при условии обеспечения сделки неустойкой.

В литературе описаны случаи, когда к назначенному ранее опекуну подключали соопекуна из числа близких родственников, который, действуя по своей инициативе и независимо, создавал ситуацию, не способствующую нормализации здоровья душевнобольного пациента, а мотивы поведения второго опекуна были далеки от милосердия и заботы о больном.

В качестве иллюстрации приведем один из случаев, наблюдаемых доктором психиатрии Ю.А. Левенштейном в отношении пациента, помещенного в его частную клинику родственниками (Левенштейн, 1887: 502-505).

Больной А.Л., страдавший алкогольной зависимостью, будучи холостым дворянином, помещен в частную психиатрическую клинику по совету врачей-психиатров родным братом, господином Л. Физическое состояние пациента улучшилось, однако развился бред величия. Через некоторое время по просьбе сестры больного, госпожи К., он был освидетельствован губернским присутствием и признан сумасшедшим. Брат как единственный наследник был назначен опекуном над больным и его имуществом.

Сестра больного, госпожа К., часто навещавшая его в клинике, высказала пожелание забрать брата домой на личное попечение, считая, что его состояние значительно улучшилось. Однако частная клиника указала, что забрать пациента во всякое время может только его родной брат, назначенный опекуном. Тогда госпожа К. оформляет совместную опеку в отношении душевнобольного. Получив данный статус, она обращается в дворянскую опеку с намерением забрать брата из клиники. Дворянская опека приглашает брата опекуна в присутствие, передает пожелание сестры и предлагает ему как опекуну и наследнику, имеющему преимущество перед сестрой, забрать больного из клиники на свое личное попечение. Однако господин Л. представил ряд возражений, основанных на консультациях с врачами психиатрами, которые настоятельно рекомендовали соблюдение строгого психиатрического режима, поскольку при употреблении алкоголя, к которому больной имеет пристрастие, болезнь может обостриться. Он отказался забрать больного из клиники. Тогда дворянская опека разрешила забрать больного из клиники его сестре, составив об этом распоряжение. Господин Л., являясь основным опекуном больного, подает жалобу в окружной суд с ходатайством об отмене распоряжения о передаче душевнобольного больного брата его сестре. Одновременно Л. обращается к директору клиники с ходатайством об отказе передать больного второму опекуну до вступления в силу решения суда по делу. Однако дворянская опека самостоятельно направляет в клинику документ о передаче больного на попечение второго опекуна. Соответственно предписанию директор клиники передает больного сестре.

Госпожа К., получив возможность личного попечения над душевнобольным, совершает ряд действий, которые впоследствии разъясняют основной замысел и ее чрезвычайную настойчивость. Она отправляется с больным в губернский город и подает прошение об освидетельствовании брата на основании ст. 373 (СЗ РИ. Т. X. Ч. 1)¹, считая его психически здоровым и прилагая свидетельство домашнего врача. Губернское присутствие удовлетворяет ее ходатайство и признает брата психически здоровым, что и утверждается решением Сената. В этой связи отпадает опека, установленная в отношении душевнобольного.

Больной, признанный здоровым, возвращается в свое имение и начинает вести тот же образ жизни, который и послужил началом развития его болезни, и уже через год скорострительно умирает.

Через некоторое время выясняется, что в период признания его здоровым он составил духовное завещание в пользу своей сестры, а то имущество, что не вошло в наследственную часть, было распродано. Соответственно оспорить духовное завещание не представлялось возможным, равно как и признать сестру душевнобольного лицом, злоупотребившим своими правами.

Таким образом, процедура освидетельствования в отношении душевнобольного существенно влияла на его правовой статус, а выбор опекуна, представляющего интересы душевнобольного, становился главной заботой государства или родственников.

2. Имущество душевнобольного как спорный объект управления и правопреемства (по материалам судебной практики).

¹«Освидетельствование заключается в строгом рассмотрении ответов на предлагаемые вопросы до обыкновенных обстоятельств и домашней жизни относящиеся. Как вопросы, так и ответы на них записываются, и составляется по сему случаю акт».

Управление имуществом душевнобольного, за редким исключением, вызывало множество вопросов и претензий со стороны заинтересованных лиц из числа родственного состава. В основном спорные вопросы касались наследственных прав и сохранения имущества, которое после смерти опекаемого могло стать наследуемым владением. Такие случаи возникали при несовпадении наследников и опекунов или когда одними наследниками оспаривалось право совладения спорным имением другими наследниками, назначенными опекунами. Многолетняя тяжба за обладание имением, принятым в управление, приводила к ухудшению его фактического состояния, а иногда и к полной утрате.

Обратимся к интересному случаю, рассмотренному судом в отношении имения, находящегося в родственном совладении, когда один из совладельцев признается умалишенным, а второй назначается его опекуном, постоянно проживая в имении и управляя им. Спорная ситуация возникает вследствие кончины умалишенного и притязания на имущество умершего нескольких наследников ([Полный свод решений...](#), 1876. Пример 91).

По просьбе помещика К. Собанского мировой судья 2-го участка Ольгопольского округа распорядился о принятии охранительных мер в виде описи имущества в отношении имения «Ключ Балановецкий», оставшегося после смерти князя Сапеги. На это распоряжение в Мировой Съезд была подана частная жалоба от поверенного сестры умершего князя Сапеги, графини Потоцкой, Шульца. Приняв дело к рассмотрению, Мировой Съезд определил следующие обстоятельства. Открытие наследства само по себе не сопровождается составлением его описи, и такие охраняющие действия в соответствии со ст. 1226 и 1239 СЗ РИ, Т. X ч.1 совершаются только тогда, когда имущество не поступило в фактическое владение другого лица (решение гражданского кассационного Департамента Правительствующего Сената за 1870 год № 1892). Право на открывшееся наследство принадлежит наследникам в силу события смерти предыдущего владельца и не нуждается в обязательном утверждении суда.

Мировой Съезд установил, что Балановецкое имение состояло, как удостоверяет Ольгопольская дворянская опека, в общем нераздельном владении князя Сапеги и графини Потоцкой, перешедшем к ним от их матери, урожденной Собанской. Мать совладельцев имения получила его от своего отца И. Собанского по дарственной записи, совершенной в 1815 году.

Опека в отношении имения установлена по случаю умопомешательства князя Сапеги, а обязанности опекуна и управляющего имением исполняла графиня Потоцкая на основании ст. 876 СЗ РИ, Т. X ч.1 как сестра умалишенного и совладелица его имущества. Нахождение этого имения во владении графини Потоцкой, обусловленное совместным пользованием с князем Сапегой, помещиком Собанским не оспаривалось. Однако его поверенный Пржевлотский в своем объяснении на частную жалобу Шульца, поверенного графини Потоцкой, выражал опасение, что без установления охраняющих мер графиня Потоцкая может безосновательно растратить доходы с принадлежащего его брату имения и оказаться несостоятельной к возмещению понесенных иными законными наследниками убытков, в случае если суд признает за ними права наследования. Вместе с тем в кассационных определениях за 1866–1913 годы последовательно проводится общее правило надлежащего управления имением, состоящем в общем владении и в опеке по неспособности одного из владельцев. Такое имение не может быть продано без разрешения опекунского учреждения за долги правоспособных совладельцев ([Исаченко](#)).

Рассмотрев полученные сведения, Мировой Съезд не признал принадлежащую умершему князю Сапеге часть Балановецкого имения открывшимся наследством, требующим охранения в бесспорном порядке (по фактическому совладению с графиней Потоцкой), и отменил определение мирового судьи 2-го участка относительно охранения Балановецкого имения.

Поверенный К. Собанского, Пржевлотский, просил отменить определение Съезда по нарушению им ст. 1401–1403 и ст. 1408 Устава Гражданского Судопроизводства ([Устав гражданского судопроизводства, 1867](#)) ист. 1226 и 1239 СЗ РИ, Т. X ч.1, а равно Высочайше утвержденного 14 апреля 1866 года мнения Государственного Совета. Он пояснил, что имение Ключ Балановецкий не могло перейти во владение Сапеге и Потоцкой от их матери, как утверждает Мировой Съезд. Совершив дарственную запись на имя первобрачной дочери, И. Собанский оставил за собой владение имением до своей смерти, последовавшей в 1845 году, а его дочь умерла в 1838 году, не получив имение в свое владение. В этой связи по смерти Собанского возник спор между детьми от разных браков И. Собанского, разрешенный в 1863 году.

Таким образом, по мнению поверенного Пржевлотского, Мировой Съезд дал несоответствующее настоящему делу заключение, ибо имение умершего бездетного князя Сапеги могло состоять лишь в опекунском управлении, как это видно из представленного им Съезду рапорта дворянской опеки. При этом опекунское управление наследственным имением не может служить препятствием к охранению его в пользу потенциальных наследников. Таким образом, Съезд построил свое определение на отрицании наследственных прав Собанских и на предположении в деле таких обстоятельств, которые в нем отсутствуют.

Вместе с тем поверенный графини Потоцкой, Шульц, объясняя, что доверительница уже утверждена гражданской палатой в правах наследства после умершего брата, а по ходатайству

Собанских в правах наследования было отказано, просил заявление поверенного Собанского признать неподлежащим рассмотрению.

Правительствующий Сенат пояснил, что при учреждении опеки над имением вследствие душевной болезни владельца (совладельца) оно передается в управление опекунам не иначе как по описи (СЗ РИ. Т. X. Ч. 1. Ст. 266, ст. 377). Таким образом, суд установил, что опись имущества уже осуществлялась при установлении опеки, и иных оснований для ее проведения не имеется.

Мировой Съезд не выносил определения о признании чьих-либо наследственных прав на оставшееся после смерти князя Сапеги имение, а лишь указал в своих соображениях, каким путем имение перешло в собственность умершего князя и его сестры, заслушав доводы участвующих в деле лиц. Иные вопросы, касающиеся прав владения спорным имением, могут быть рассмотрены судом в отдельном иске и не являлись предметом рассмотрения по данному делу. Таким образом, заявление Собанского было отклонено, а решение по делу осталось неизменным.

Второй пример судебного рассмотрения касается признания недействительным духовного завещания лица, совершившего акт самоубийства, однако не по причине намеренного ухода из жизни, а в силу душевной болезни, явившейся причиной такого акта (Полный свод решений..., 1876. Пример 92).

9 января 1870 года надворный советник Костров совершил нотариальным порядком духовное завещание, оставляя своим решением все движимое и недвижимое имущество купчихе Быстровой. 13 августа 1870 года Костров застрелился, уголовное дело по факту самоубийства было прекращено после решения медицинской экспертизы о состоянии психического здоровья умершего, признавшей его страдавшим душевным расстройством.

Однако при вводе Быстровой во владение имуществом по духовному завещанию Кострова, утвержденного судом к исполнению 30 сентября 1870 года, против действительности данного завещания выступил брат умершего, Е. Костров, подавший иск в Окружной Суд 3 декабря 1870 года. Он настаивал на том, что завещание самоубийцы должно быть признано недействительным на основании статьи 1017 СЗ РИ, Т. X, ч. 1 («посему недѣйствительны завѣщанія: 1) безумныхъ, сумасшедшихъ и умалишенныхъ, когда они составлены ими во время помѣшательства; 2) самоубійць»).

Окружной суд отказал ему в иске, и через поверенного Свешникова Е. Костров подал апелляционную жалобу в Московскую Судебную Палату. Рассматривая дело, суд приходит к мнению, что завещатель Костров лишил себя жизни в состоянии душевного расстройства, и этот факт сам по себе не приводит к признанию завещания недействительным. Вместе с тем в момент составления и удостоверения завещания нотариусом Костров не проявлял признаков душевной болезни. Об этом свидетельствовали как сам нотариус, присутствовавший в момент удостоверения завещания, так и врач, проводивший экспертизу состояния психики лица, совершившего акт самоубийства. Поверенный Свешников счел, что Судебная Палата неправильно толковала нормы материального права, сопоставляя ст. 1472 Уложения о наказаниях и 1017 СЗ РИ, Т. X, ч. 1. Так, ст. 1472 Уложения преследует духовное завещание самоубийцы как лица, совершившего преступное деяние, тогда как ст. 1017 СЗ РИ преследует такое завещание как акт безумной воли завещателя. Суд приходит к выводу, что при естественной смерти закон признает завещание недействительным только при установленном факте недееспособности завещателя, при неестественной смерти закон рассматривает все аспекты составления завещания и может признать его недействительным даже в том случае, когда душевная болезнь завещателя осталась неустановленной.

Однако поскольку определить момент начала развития душевного расстройства завещателя не представляется возможным, Московская Судебная Палата не находит оснований для отмены решения Окружного Суда и отклоняет иск Е. Кострова.

Таким образом, материал судебной практики позволил выявить проблемные аспекты управления имуществом душевнобольного, особенно в случае общего совладения, когда наследники оспаривают и факт управления спорным имуществом, и действия самого опекуна. Но также и рассмотреть аспекты, касающиеся признания духовного завещания душевнобольного недействительным, когда факт душевной болезни не имеет прямой связи с оставленным завещанием в силу недоказуемости момента развития болезни.

3. Сделки с имуществом душевнобольного (включая уплату по векселям, выдачу содержания и права распоряжения).

По общему правилу гражданское законодательство XIX века признавало сделки, совершенные душевнобольными лицами, не создававшими правовых последствий.

Очевидно, что слабоумные не могли заключать договоры, вступать в гражданско-правовые сделки, самостоятельно приобретать имущество, принимать наследство, составлять завещание или выступать свидетелем его составления (Исаченко, 1883: 280).

Высочайше утвержденным мнением государственного Совета от 30 октября 1834 года «Об освидетельствовании помешанных в уме и получающих впоследствии выздоровление» (ПСЗ РИ. № 7507) было заявлено, что, когда признанный по свидетельству в помешательстве ума получил выздоровление, то по получении о том извещения от врачебной комиссии Правительствующий Сенат

обязан был провести новое его освидетельствование, а до того момента дать выздоровевшему полную свободу, за исключением опеки над имением. Таким образом, даже после признания душевнобольного здоровым, он оставался ограниченным в правах и не мог совершать сделок со своим имением как имущественным комплексом, состоящим из домов, земель и движимого имущества. Данное положение отразилось и в Законе от 23 апреля 1845 года «О силе и действии земской давности», по которому признание лица душевнобольным означает утрату его правоспособности ([Высочайше утвержденное..., 1845](#)).

В этой связи можно заключить, что продажа части имущественного комплекса душевнобольного, освидетельствованного по выздоровлении, могло состояться только при непосредственном участии опекуна, при этом сделки опекуна, совершенные к выгоде или в интересах опекаемого, пересмотру не подлежали.

Правительствующий Сенат в кассационных решениях обращал внимание на то, что все сделки признанного душевнобольным и освидетельствованного лица признаются недействительными. Вместе с тем в решениях, принимаемых судами по сделкам с участием лиц с установленным психиатрическим диагнозом, но не прошедших процедуру освидетельствования, встречались и полярные позиции. С одной стороны, судами признавалась возможность оспаривания действительности таких сделок (решения № 1091 за 1872 год, № 433 за 1878 год, № 209 за 1877 год) ([Анненков, 1910: 218](#)). И в тоже время встречались примеры, когда наличие душевной болезни у стороны сделки, выявленной после ее совершения, само по себе не порождало факта признания ее недействительной, особенно в случае, когда правовые последствия для другой стороны сделки уже наступили.

В практике наблюдались случаи, когда выявленный факт душевной болезни лица, совершившего сделку, не влечет отмены ее последствий, если ранее суд удовлетворяет требование по иску взыскателя, а заинтересованное лицо не успевает использовать право на оспаривание такого решения в установленные законом сроки. Рассмотрим такой случай ([Полный свод решений..., 1870](#)).

В Мировой суд 2-го участка Роменского округа 17 июля 1870 года подан иск казака Ярошенко к дворянину А. Савичу с требованием присуждения выплаты по двум векселям по 400 рублей и процентов за издержки. Иск был удовлетворен, решение вступило в законную силу, и на приведение его к исполнению истцу Ярошенко 4 ноября 1870 года был выдан исполнительный лист.

Спустя три года, 22 ноября 1873 года, опекун над имением бывшего ответчика А. Савича, К. Савич, подал Роменскому Мировому Съезду апелляционную жалобу на решение Мирового суда на основании 750 статьи Устава Гражданского Судопроизводства с ходатайством о пересмотре дела вследствие открывшегося факта душевной болезни А. Савича во время выдачи векселей. Просил изъятия и уничтожения выданных векселей и взыскания убытков за срочную продажу имения опекаемого.

Свою жалобу податель обосновал отсутствием правоспособности и дееспособности у А. Савича к осуществлению каких-либо сделок. В своем ходатайстве он пояснил, что узнал о существовании такого обязательства опекаемого им душевнобольного родственника вследствие уведомления мирового судьи 2-го участка 23 июля и 17 ноября 1873 года получением копий разных документов по делу.

Рассмотрев ходатайство, Мировой Съезд признал его не подлежащим удовлетворению по основанию пропуска месячного срока для подачи апелляционной жалобы в соответствии со ст.191 Устава Гражданского Судопроизводства ([Судебные уставы..., 1867](#))¹, поскольку жалоба являлась прошением об отмене решения суда по вновь открывшимся обстоятельствам. Данная жалоба должна быть подана в месячный срок с момента, когда лицо узнало о таких обстоятельствах. При этом суд обратил внимание подателя жалобы на то, что положения ст. 750 Устава Гражданского Судопроизводства о четырехмесячном сроке исчисления со дня открытия нового обстоятельства применяются к решениям окружных судов, тогда как дело рассматривал мировой суд.

Несмотря на длительный период развития гражданского законодательства в области сделкоспособности, многие специалисты отмечали готовность судебных инстанций восполнять законодательные пробелы и принимать решения, способные в своем содержании удовлетворить имевший место запрос о конечной форме признания или непризнания сделки недействительной, если одной из ее сторон является душевнобольной, в обстоятельствах невозможности обращения к судебному прецеденту как источнику права ([Гречишкина, 2015: 67](#)).

Рассуждая о последствиях совершенных сделок умалишенными, профессор Г.Ф. Шершеневич отмечал, что, вопреки положению закона, ограничение дееспособности наступает со времени признания лица сумасшедшим врачебной комиссией, и именно с этого момента отпадает необходимость в каких-либо иных доказательствах измененного состояния психики в момент совершения сделки для ее опровержения ([Шершеневич, 1912: 97](#)).

Второй пример касается процесса по делу о выделении средств на содержание супруги работника РЖД, который был освидетельствован по сумасшествию после произошедшего несчастного случая. Вопрос состоял не в сумме выделяемого содержания, а в самом принципе обращения за компенсацией к работодателю супруга, утратившего трудоспособность, связанного обязанностью содержания супруги по закону ([Сборник практики, 1902](#)).

¹Срок на подачу жалобы об отмене решения мирового суда назначается месячным.

Перейдем к сути изложения по делу. Почтовый чиновник Страдецкий, находясь при исполнении служебных обязанностей и следуя в почтовом вагоне поезда из Киева к месту назначения, в июле 1897 года получил нервное потрясение при столкновении поездов. Потеряв работу и доход, семья Страдецкого оказалась без средств к существованию.

В январе 1899 года супруга почтового чиновника Страдецкая обратилась в Киевский окружной суд с иском о присуждении ей пяти тысяч рублей с казенного управления Юго-западных железных дорог. Свое требование она обосновала тем, что годовой доход супруга составлял около тысячи рублей, что, потеряв трудоспособность, супруг более не может доставлять содержание семье, а она сама не имеет иных средств к существованию. Окружной суд и судебная палата в требовании истицы отказали.

Ссылаясь на ст. 683 Законов Гражданских, Окружной суд и судебная палата последовательно утверждали, что, даже находясь под опекой, супруг заявительницы, оставшись живым, может самостоятельно реализовать свои права на компенсацию утраченного заработка к работодателю. При этом железная дорога не несет ответственности перед третьими лицами, с которыми она не состоит в отношениях.

Кассационная инстанция, рассмотрев жалобу в 1902 году и отвечая на вопрос о праве супруги пострадавшего работника требовать компенсации по ч.1 ст. 683 Свода законов гражданских, опиралась на ст. 92 Устава Российских Железных дорог. Согласно данной статье железная дорога «обязана вознаградить каждого потерпевшего за вред или убыток, вследствие смерти или повреждения здоровья, причиненных эксплуатацией железной дороги». Исходя из общего смысла статей 657-662 и 675 СЗ РИ, виновный в причинении смерти или повреждении здоровья человека обязан обеспечить не только потерпевшего, но и всех тех, кто находится на его иждивении. Так, в соответствии со ст.106 СЗ РИ муж обязан доставлять жене пропитание и содержание. Поэтому, если железная дорога лишила мужа этой возможности, жена вправе предъявить свои требования к железной дороге (по аналогии с решением 1900 года № 107). Это право возникает со времени утраты ею дохода, получаемого от супруга. Правительственный Сенат определяет решение Киевской судебной палаты отменить.

Таким образом, в приведенных примерах мы показали значительные расхождения в решениях судов по гражданским делам, связанных не только с особенностями процессуальных порядков, но и с фактическим обоснованием признания или непризнания прав как самого умалишенного, так и членов его семьи при совершении сделок или установлении прав на его имущество. В ситуациях, когда из имущества, передаваемого в управление, приходилось погашать обязательства, принятые на себя душевнобольным до развития болезни и установления опеки, когда такие обязательства не удавалось опротестовать, для погашения долга управляющему приходилось продавать имение после смерти душевнобольного.

5. Заключение

Обращаясь к теме определения правового статуса душевнобольного как субъекта гражданских прав мы стремились провести одновременно две основные линии: о последствиях утраты правоспособности душевнобольным и об установлении опеки по неспособности к самостоятельной жизни, действиям и сделкам, а также о вытекающих из установления опеки семейных спорах, связанных с управлением имуществом душевнобольного. Представляется, что законодательные пробелы в регулировании указанных вопросов способствовали инициативному подъему интереса к этой проблематике в профессиональной среде юристов и психиатров.

Развитие психиатрической мысли далеко опережало законодательство и научные исследования в области права, а сами вопросы законодательного регулирования и организации психиатрического освидетельствования привлекали к себе внимание ведущих психиатров (О.А. Чечотта, С.С. Корсакова, Ю.А. Левенштейна). Однако администрирование процедуры освидетельствования сводилось к установлению зримого преимущества в решениях Правительствующего Сената по отношению к заключению врачебной комиссии. Этот факт порождал известные случаи признания Сенатом душевнобольного здоровым, вопреки свидетельству комиссии психиатров.

Иллюстративный материал судебной практики, с одной стороны, позволил явственно установить проблемные аспекты управления имуществом душевнобольного, особенно в случае общего совладения, когда наследники оспаривают и факт управления спорным имуществом, и действия самого опекуна, но также выявить общие закономерности таких споров, затрагивающих интересы семьи. Представляется, что в действиях некоторых опекунов угадывается не только требуемая заботливость, проявляемая к личности опекаемого, но и корыстный интерес завладения имуществом.

На основе приведенных материалов судебной практики мы стремились показать неоднородность принятых решений, длящееся разночтение в характере принятых юридических оценок действий, совершаемых самими душевнобольными в случае непрохождения процедуры освидетельствования.

Вместе с тем институт опеки и попечительства над личностью и имуществом душевнобольного, оставаясь неизменным на протяжении 40 лет и запаздывающим в эффективных способах правовой

регуляции, позволял судебным инстанциям самостоятельно восполнять некоторые законодательные пробелы, несмотря на неприменимость судебного прецедента в последующих решениях судов. Этот факт следует признать ценным вкладом в развитие правовой науки и юридической техники.

Литература

- Алкоголизм..., 1909** – Алкоголизм и борьба с ним / Под. ред. Нижегородцева М.Н. СПб., 1909. С. 51-52.
- Анненков, 1910** – Анненков К. Система русского гражданского права. 1910. Т. I. 218 с.
- Боткин, 1893** – Боткин Я.А. Преступный аффект как условие невменяемости. Москва: Издание А.А. Карцева, 1893. 21 с.
- Бринкман, 1908** – Бринкман А.А. Ограничение правоспособности по безумию и сумасшествию // *Журнал Министерства Юстиции*. 1908. № 6. С. 125-126.
- Бринкман, 1909** – Бринкман А.А. Имущественная ответственность сумасшедших за убытки // *Журнал министерства юстиции*. 1909. Кн. 6. С. 189.
- Бринкман, 1911** – Бринкман А.А. Законодательство и практика по ограничению дееспособности безумных и сумасшедших // *Право*. 1911. № 10. С. 501.
- Виславский, 1872** – Виславский О. О достоинстве судебно-медицинской экспертизы в уголовном судопроизводстве. Варшава: Типография Иосифа Унгра, 1972. 175 с.
- Вырубов, 1911** – Вырубов Н.А. Законодательство о душевнобольных преступниках. М.: Типография штаба Московского военного округа, 1911. 58 с.
- Высочайше утвержденное..., 1845** – Высочайше утвержденное 23 апреля 1845 г. мнение Государственного Совета «О силе и действии земской давности» / Полный свод законов Российской империи. Собрание второе. Т. XX. Отделение первое. № 18952.
- Георгиевский, 1903** – Георгиевский А.И. Признание гражданской неправопоспособности по причине безумия, сумасшествия, глухонмоты и немoty // *Журнал министерства юстиции*. 1903. С. 243-259.
- Голубцов, 1907** – Голубцов А. Освидетельствование обвиняемых в состоянии умственных способностей по делам мировой юстиции // *Журнал министерства юстиции*. 1907. Кн. 10. С. 146.
- Гречишкина, 2015** – Гречишкина Н.А. Проблема недействительности сделки вследствие психического расстройства ее субъекта в Решениях Правительствующего Сената Российской империи (вторая половина XIXв.). Часть I // *Российский психиатрический журнал*. 2015. № 6. С. 63-67.
- Исаченко, 1883** – Исаченко В.Л. Лица в договоре. Душевнобольные // *Юридический вестник*. 1883. № 6. С. 280.
- Исаченко** – Исаченко В.Л. Своды кассационных положений за 1866–1913 гг. Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.blob.core.windows.net/publiccontainer/Isachenko_Svodmaterialnogoprava.pdf
- Карандышев, 2021** – Карандышев Г.В. Социокультурные особенности женского отклоняющегося поведения в России в конце XIX – начале XX веков: преступность и алкоголизация // *Вестник Тверского государственного университета*. 2021. № 1(57). С. 5-18.
- Канторович, 1899** – Канторович Я.А. Законы о безумных и сумасшедших, с разъяснениями по решениям Сената. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1899. 128 с.
- Кони, 1910** – Кони А.Ф. Психиатрическая экспертиза и действующие законы // *Вестник Европы*. 1910. 148 с.
- Курбанов** – Курбанов М.А. Гражданско-правовые отношения в сфере психического здоровья: исторический аспект. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.npar.ru/journal/2004/1/legislation.htm>
- Левенштейн, 1887** – Левенштейн Ю.А. По поводу некоторых статей русского законодательства о душевнобольных / *Материалы первого съезда отечественных психиатров*. Москва, 1887. С.-Петербург, 1887. С. 488-508.
- Мержеевский, 1887** – Мержеевский И.П. Об условиях, благоприятствующих развитию душевных и нервных болезней в России и о мерах, направленных к их уменьшению / *Материалы первого съезда отечественных психиатров*. Москва, 1887. СПб., 1887. С.15–18.
- Мокшанцев, 1895** – Мокшанцев А.Е. К вопросу о положении душевнобольных в России и об учреждении над ними опеки // *Наблюдатель*. 1895. Кн. 4. С. 137–161.
- Оруджев, Поплавская, 2014** – Оруджев Н.Я., Поплавская О.В. Развитие института недееспособности: исторический аспект // *Вестник ВолГМУ*. 2014. № 3(51). С. 9-12.
- Погорелов, 2017** – Погорелов М.А. Психиатрия, наследственность и душевная болезнь: практики маргинализации «опасных» индивидов в Москве на рубеже XIX–XX веков // *Вестник Пермского университета*. 2017. № 2(37). С. 34-42.
- ПСЗ РИ** – Полное собрание законов Российской империи. [Электронный ресурс]. URL: https://nlr.ru/eres/law_r/search.php
- Полный свод решений..., 1869** – Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. 19 пример.

Полный свод решений..., 1870 – Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1870 год. 866 пример. Екатеринбург: Типография Книгоиздательства Л.М. Ротенберга, 1903.

Полный свод решений..., 1876 – Полный свод решений Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1876 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru/senat>

Сборник практики..., 1902 – Сборник практики Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената. 1902 год. № 48.

СЗ РИ – Свод законов Российской Империи. Свод законов гражданских. Т. X. Ч. 1, ст. 1017.

Слонимский, 1873 – *Слонимский Л.З.* Гражданское право и психиатрия // *Судебный журнал*. 1873. Кн. 5. С. 1-56.

Слонимский, 1879 – *Слонимский Л.З.* Умственное расстройство, его значение в праве гражданском и уголовном. СПб.: Тип. Товарищества «Общественная польза», 1879. 160 с.

Судебные уставы..., 1867 – Судебные уставы 20 ноября 1864 года. Ч. 1. Устав гражданского судопроизводства. 1867. 763 с.

Таганцев, 1886 – *Таганцев Н.С.* Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 5-е изд., доп. СПб., 1886. 714 с.

Тарасова, 2012 – *Тарасова Е.Н.* Становление и развитие российского законодательства дореволюционного периода, регулирующего правовые вопросы относительно лиц, страдающих психическими заболеваниями // *Современное право*. 2012. № 10. С. 165-167.

Тутрюмов – *Тутрюмов И.М.* Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. Т. 1. Глава II. Об опеке над безумными, сумасшедшими, глухонемыми и немymi. [Электронный ресурс]. URL: <https://zakon.ru/senat>

Федосова, 2011 – *Федосова Е.В.* Развитие правового регулирования статуса лиц, страдающих психическими расстройствами (к вопросу о правопреемственности) // *Юридическая техника*. 2011. № 4. С. 495-499.

Шершеневич, 1912 – *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. 1912. 97 с.

Шунк, 2009 – *Шунк В.Э.* Российское законодательство XVIII-XIX веков о душевнобольных. Ижевск: Ижевский филиал ГОУ ВПО «Нижегородская академия МВД Российской Федерации», 2009. 142 с.

Юдин, 1951 – *Юдин Т.И.* Очерки истории отечественной психиатрии / Под ред. Б.Д. Петрова. М.: Медгиз, 1951. 480 с.

References

Alkogolizm..., 1909 – *Alkogolizm i bor'ba s nim* [Alcoholism and the fight against it]. Pod. red. Nizhegorodtseva M.N. SPb., 1909. Pp. 51-52. [in Russian]

Annenkov, 1910 – *Annenkov, K.* (1910). Sistema russkogo grazhdanskogo prava [The system of the Russian civil government]. I: 18. [in Russian]

Brinkman, 1908 – *Brinkman, A.A.* (1908) Ogranichenie pravospobnosti po bezumiyu i sumasshestviyu [Limitation of legal capacity for insanity and insanity]. *Zhurnal Ministerstva Yustitsii*. 6: 125-126. [in Russian]

Brinkman, 1909 – *Brinkman, A.A.* (1909). Imushchestvennaya otvetstvennost' sumasshedshih za ubytki [Property liability of insane persons for losses]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 6: 189. [in Russian]

Brinkman, 1911 – *Brinkman, A.A.* (1911). Zakonodatel'stvo i praktika po ogranicheniyu deеспobnosti bezumnyh i sumasshedshih [Legislation and practice on limiting the legal capacity of the insane and mad]. *Pravo*. 10: 501. [in Russian]

Fedosova, 2011 – *Fedosova, E.V.* (2011). Razvitie pravovogo regulirovaniya statusa lits, stradayushchikh psikhicheskimi rasstroistvami [Development of legal regulation of the status of persons suffering from mental disorders (on the issue of succession)]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 4: 495-499. [in Russian]

Georgievskij, 1903 – *Georgievskij, A.I.* (1903). Priznanie grazhdanskoj nepravospobnosti po prichine bezumiya, sumasshestviya, gluhonemoty i nemoty [Recognition of civil incapacity due to insanity, madness, deaf-muteness and dumbness]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. Pp. 243-259. [in Russian]

Golubcov, 1907 – *Golubcov, A.* (1907). Osvidetel'stvovanie obvinyaemyh v sostoyanii umstvennyh sposobnostej po delam mirovoj yustitsii [Examination of defendants in the state of mental capacity in cases of justice of the peace]. *Zhurnal ministerstva yustitsii*. 10: 146. [in Russian]

Grechishkina, 2015 – *Grechishkina, N.A.* (2015). Problema nedeistvitel'nosti sdelki vsledstvie psikhicheskogo rasstroistva ee sub"ekta v Resheniyakh Pravitel'stvuyushchego Senata Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX v.) [The problem of invalidity of a transaction due to a mental disorder of its subject in the Decisions of the Governing Senate of the Russian Empire (in the second half of the XIX century)]. Ch. I. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal*. 6: 63-67. [in Russian]

Isachenko – *Isachenko, V.L.* Svod ykassatsionnykh polozheniia 1866–1913 gg. [Codes of cassation provisions for 1866-1913]. 1. [Electronic resource]. URL: https://zakon.blob.core.windows.net/publiccontainer/Isachenko_Svodmaterialnogoprava.pdf [in Russian]

Isachenko, 1883 – *Isachenko, V.L.* (1883). Litsa v dogovore. Dushevnobol'nye [Persons in the contract. The mentally ill]. *Yuridicheskii vestnik*. 6: 280. [in Russian]

Kantorovich, 1899 – *Kantorovich, Ya.A.* (1899). Zakony o bezumnyh i sumasshedshih, s raz'yasneniyami po resheniyam Senata [Laws on the insane and lunatic, with explanations of the decisions of the Senate]. SPb.: Tip. M.M. Stasyulevicha, 128 p. [in Russian]

Karandyshev, 2021 – *Karandyshev, G.V.* (2021). Sotsiokul'turnye osobennosti zhenskogo otklonyayushchegosya povedeniya v Rossii v kontse XIX – nachale XX vekov: prestupnost' i alkogolizatsiya [Sociocultural features of female deviant behavior in Russia at the end of the XIX – early XX centuries: alcoholism and crime]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. 1(57): 5-18. [in Russian]

Kony, 1910 – *Kony, A.F.* (1910). Psikhiatricheskaya ekspertiza i deistvuyushchie zakony [Psychiatric examination and current laws]. *Vestnik Evropy*. P. 148. [in Russian]

Kurbanov – *Kurbanov, M.A.* Grazhdansko-pravovye otnosheniya v sfere psikhicheskogo zdorov'ya: istoricheskii aspekt [Civil law relations in the field of mental health: a historical aspect]. [Electronic resource]. URL: <http://www.npar.ru/journal/2004/1/legislation.htm> (date of access: 19.04.2024). [in Russian]

Levenstein, 1887 – *Levenstein, Yu.A.* (1887). Po povodunekotorykhstatei russkogo zakonodatel'stva o dushevnobol'nykh [Regarding some articles of the Russian legislation on the mentally ill]. *Materialy pervogo s'ezda otechestvennykh psikhiatrov*. Moskva, S.-Peterburg. Pp. 488-508. [in Russian]

Merzheevsky, 1887 – *Merzheevsky, I.P.* (1887). Ob usloviyakh, blagopriyatstvuyushchikh razvitiyu u dushevnykhinervnykh boleznei v Rossii o merakh, napravlenykh k ikhumen'sheniyu [On conditions conducive to the development of mental and nervous diseases in Russia and on measures aimed at reducing them]. *Materialy pervogo s'ezda otechestvennykh psikhiatrov*. M., S.-Peterburg. Pp. 15-18. [in Russian]

Mokshancev, 1895 – *Mokshancev, A.E.* (1895). K voprosu o polozhenii dushevnobol'nykh v Rossii i ob uchrezhdenii nad nimi opek [On the status of the mentally ill in Russia and the establishment of guardianship over them]. *Nablyudatel'*. 4: 137-161. [in Russian]

Orujev, Poplavskaya, 2014 – *Orujev, N.Ya., Poplavskaya, O.V.* (2014). Razvitie institute nedeesposobnosti: istoricheskii aspekt [The development of the institution of incapacity: a historical aspect]. *Vestnik Volgogradskogo meditsinskogo universiteta*. 3(51): 9-12. [in Russian]

Pogorelov, 2017 – *Pogorelov, M.A.* (2017). Psikhiatriya, nasledstvennost' i dushevnyaya bolezni': praktiki marginalizatsii «opasnykh» individov v Moskve na rubezhe XIX–XX vekov [Psychology, modernity and spiritual activity: practices of marginalizing "dangerous" publications in Moscow at the turn of the XIX–XX centuries]. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2(37): 34-42. [in Russian]

Polnyi svod reshenii..., 1869 – Polnyi svod reshenii Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta Pravitel'stvuyushchego Senatza 1869 god [The complete set of decisions of the Civil Cassation Department of the Governing Senate for 1869]. 19 primer. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.ru/senat> [in Russian]

Polnyi svod reshenii..., 1870 – Polnyi svod reshenii Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta Pravitel'stvuyushchego Senatza 1870 god [The complete set of decisions of the Civil Cassation Department of the Governing Senate for 1870]. 866 primer. Ekaterinoslav: Tipografiya Knigoizdatel'stva L.M. Rotenberga, 1903. [in Russian]

Polnyi svod reshenii..., 1876 – Polnyisvodreshenii Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta Pravitel'stvuyushchego Senatza 1876 god [The complete set of decisions of the Civil Cassation Department of the Governing Senate for 1876]. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.ru/senat> [in Russian]

PSZ RI – Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii [The Complete collection of laws of the Russian Empire]. [Electronic resource]. URL: https://nlr.ru/eres/law_r/search.php [in Russian]

Sbornik praktiki..., 1902 – Sbornik praktiki Grazhdanskogo kassatsionnogo departamenta Pravitel'stvuyushchego Senata [Collection of practice of the Civil cassation department of the Governing Senate]. 1902. № 48. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.ru/senat> [in Russian]

Shershenevich, 1912 – *Shershenevich, G.F.* (1912). Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava [Textbook of Russian civil law]. 97 p. [in Russian]

Shunk, 2009 – *Shunk, V.E.* (2009). Rossijskoe zakonodatel'stvo XVIII-XIX vekov o dushevnobol'nykh [Russian legislation of the 18th-19th centuries on the mentally ill]. Izhevsk: Izhevskij filial GOU VPO «Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossijskoj Federacii», 142 p. [in Russian]

Slonimskij, 1873 – *Slonimskij, L.Z.* (1873). Grazhdanskoe pravo i psihiatriya [Civil law and psychiatry]. *Sudebnyj zhurnal*. 5: 1-56. [in Russian]

Slonimskij, 1879 – *Slonimskij, L.Z.* (1879). Umstvennoe rasstrojstvo, ego znachenie v prave grazhdanskom i ugolovnom [Mental disorder, its significance in civil and criminal law.]. SPb.: Tip. Tovarishchestva «Obshestvennaya pol'za», 160 p. [in Russian]

Sudebnye ustavy..., 1867 – Sudebnye ustavy 20 noyabrya 1864 goda [Judicial Statutes of November 20, 1864]. Ustav grazhdanskogo sudoproizvodstva. Ch. 1. 1867. 763 p. [in Russian]

SZ RI – Svod zakonov Rossiiskoi Imperii [The code of laws of the Russian Empire]. Svod zakonov grazhdanskikh. Vol. X. Part 1. Article 1017. [Electronic resource]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire> [in Russian]

Tagantsev, 1886 – *Tagantsev, N.S.* (1886). Ulozhenie o nakazaniyakhugolovnykh I ispravitel'nykh 1885 goda [The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1885]. 5-e izd., dop. SPb., 714 p. [in Russian]

Tarasova, 2012 – *Tarasova, E.N.* (2012). Stanovlenie i razvitie rossiiskogo zakonodatel'stva dorevolyutsionnogo perioda, reguliruyushchego pravovye voprosy odnositel'no lits, stradayushchikh psikhicheskimi zabolevaniyami [Formation and development of the Russian legislation of the pre-revolutionary period regulating legal issues concerning persons suffering from mental illness]. *Sovremennoe parvo*. 10: 165-167. [in Russian]

Tutryumov – *Tutryumov, I.M.* Secret keepers of information of the Government [Zakony grazhdanskie s raz'yasneniyami Pravitel'stvuyushchego Senata I kommentariya mirusskikh yuristov]. T. 1. Glava II. Ob opeke nad bezumnymi, sumasshedshimi, glukhonemymi i nemymi. [Electronic resource]. URL: <https://zakon.ru/senat> [in Russian]

Vislavskij, 1872 – *Vislavskij, O.* (1872). O dostoinstve sudebno-medicinskoj ekspertizy v ugolovnom sudoproizvodstve [On the merits of forensic medical examination in criminal proceedings]. Varshava: Tipografiya Iosifa Ungra, 175 p. [in Russian]

Vyubov, 1911 – *Vyubov, N.A.* (1911). Zakonodatel'stvo o dushevnobol'nyh prestupnikah [Legislation concerning criminally insane persons]. M.: Tipografiya shtaba Moskovskogo voennogo okruga, 58 p. [in Russian]

Vysochaishe utverzhdennoe..., 1845 – Vysochaishe utverzhdennoe 23 aprelya 1845 g. mnenie Gosudarstvennogo Soveta «O sile i deistviizemskoi davnosti» [The most highly approved opinion of the State Council "On the force and effect of the Zemstvo prescription" on April 23, 1845]. Polnyi svod zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. XX. Otdelenie pervoe. № 18952. [in Russian]

Yudin, 1951 – *Yudin, T.I.* (1951). Ocherki istorii otechestvennoi psikhiiatrii [Essays on the history of domestic psychiatry]. Pod red. B.D. Petrova. M.: Medgiz, 480 p. [in Russian]

Душевнобольной как субъект гражданских прав в Российской империи на рубеже XIX–XX веков

Надежда Владимировна Присяжная ^{a, *}, Ольга Николаевна Бобровская ^a, Евгений Геннадьевич Калецкий ^a, Дарья Алексеевна Лейчинская ^a

^a ФГАОУ ВО Первый МГМУ имени И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский университет), Российская Федерация

Аннотация. Обращение к теме правового положения душевнобольных на рубеже XIX–XX веков в Российской империи определяется несколькими важными факторами. Прежде всего, через фиксацию психического заболевания, установление которого имело неоднозначные подходы в отечественной психиатрии, а также через учреждение попечения в отношении личности и имущества душевнобольного, создававшее непримиримые тяжбы между близкими родственниками по поводу наследуемого имущества.

Документальные источники законодательных актов и свидетельства непосредственных участников лечебного процесса позволяют осветить наиболее общие черты организации проведения процедуры, когда решение врачебной комиссии поглощается административным функционалом.

Управление имуществом душевнобольного в регуляции гражданского законодательства на рубеже XIX–XX веков затрагивает такие важные аспекты, как необходимость его защиты от неправомерных посягательств со стороны третьих лиц; неотложность действий наследников по оспариванию опекунских полномочий, связанных с управлением имуществом душевнобольного. В нюансах историко-правового видения примеры судебной практики отражают наиболее яркие моменты, иллюстрирующие детали возникающих семейных споров.

Изучение документальных источников позволяет уяснить отличительные признаки, присущие сделкам, совершаемым душевнобольными, и раскрыть содержательный компонент их правового восприятия.

Ключевые слова: духовное завещание, управление именем, совместная опека, освидетельствование, оспаривание сделок душевнобольных.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: prisyazhnaya_n_v@staff.sechenov.ru (Н.В. Присяжная)